

Фёдор МЕЛЕНТЬЕВ

САША И НИКСА ЛЕТОМ 1863 ГОДА

Великого князя Александра Александровича нередко сравнивают с его старшим братом — умершим в молодости цесаревичем Николаем Александровичем. И, как правило, сравнение оказывается не в пользу будущего императора¹. Однако взаимоотношения братьев историками даны пока лишь общие оценки — основанные в большинстве своём на мемуарных сведениях². Хотя есть и переписка Николая с братом Александром. «Душа его, — вспоминал К. П. Победоносцев о цесаревиче Николае Александровиче, — росла и крепла на родной почве, в родной атмосфере, и в письмах к любимому брату он передавал ему свои ощущения»³. Но эта переписка в литературе используется лишь фрагментарно⁴. Обратимся же к ней.

Одним из поводов для переписки братьев стало путешествие 19-летнего цесаревича Николая по России в 1863 году. Маршрут пролегал по Мариинской водной системе, Волге и Дону. Жаль, говорил наследник князю В. П. Мещерскому, «что нельзя мне поехать с моим Сашею, как бы хорошо было бы и ему, и мне»⁵. Свиту цесаревича составили попечитель наследника граф С. Г. Строганов, состоявший при цесаревиче полковник О. Б. Рихтер, врач Н. А. Шестов, секретарь Ф. А. Оом, художник А. П. Боголюбов, молодые графы Н. С. Строганов и А. Б. Перовский. В Рыбинске к ним присоединились профессора И. К. Бабст и Победоносцев.

В десяти письмах, написанных в этом путешествии, цесаревич делился с братом своими впечатлениями. «Между нами, — признавался он, вернувшись, в письме матери, императрице Марии Александровне, — устанавливается настоящая, братская дружба»⁶. Ведь ещё двумя годами ранее «Александр Александрович не подросток ещё к тому возрасту, когда он мог сделать его другом: их разделяла система воспитания и различие в летах»⁷. Путешествие цесаревича по России стало поводом для нахождения общего языка.

Характерны обращения братьев друг к другу. «Милый Николай! — писал Александр 5 июля. — Пусть братья называют Тебя Никсей, но Мама и я, мы решили, чтобы тебя не называть больше так»⁸. В ответ наследник, стремившийся к сближению с братом, разразился целой отповедью: «Милый Александр!!! Ха! Ха! Ха! ну-с, покорно благодарю. Это ещё что выдумал. Китайщина, варварство, одумайся: «милый Николай», а. Николай — милый Николай, как это вам нравится? Уж почему тогда не «почтенный Николай Александрович!» Это важнее, не правда ли?» Юмор позволял Николаю делиться с братом впечатлениями без помощи шаблонных фраз, которые любил Александр II. В переписке с отцом наследник нередко использовал устоявшиеся обороты и слова, но в общении между братьями это казалось ему лишним. «Пожалуйста, пиши просто, если хочешь, чтоб я тебе отвечал», — просил он брата. И обращался к нему в следующих письмах так: «Сашка», «Мака», «милый Bruder (брат (нем.). — Ф. М.)», «Сашук», «Искандер-Бек-Мака-фон Сашка-Александрович» и даже «Саша-элефектинос-гусинопыхсис»⁹.

Тем не менее до получения ироничного послания старшего брата Александр продолжал называть его полным именем. Сам же наследник, ехавший по России, которую взбудоражили известия о польском восстании, был впечатлён горячей поддержкой русскими людьми позиции императора. Франция

Великий князь Александр Александрович (сидит) и наследник цесаревич Николай Александрович в мундирах лейб-гвардии Стрелкового батальона Императорской Фамилии. 1864 г.

и Англия требовали дать Польше конституцию; дело пахло новой войной с Западом. «Войны искренно не желаю, но если она наступит, то рад был бы первый броситься на этих коршунов»¹⁰, — признавался отцу цесаревич, уверенный в народной поддержке.

Поиск братьями общего языка сопровождался поиском взаимопонимания, осознанием общих ценностей. «Папа нам читал твое письмо, в котором ты пишешь то, что ты чувствуешь теперь», — писал Александр брату. Немного путаясь в орфографии, он продолжал: «Мама нам сказала, что она хотела бы, что и мы чувствовали то же самое, но что, к несчастью, мы далеко от этого; мне было грустно, что Мама так думает обо мне, потому что это не так»¹¹. Польщённый высокой оценкой матери, цесаревич сочувствовал брату: «Мне тоже жаль, что Мама Тебе это сказала, но полагаю, что от Тебя вполне зависит изменить это и заставить таким образом переменить мнение о тебе». Зная, что Александр II собирался взять с собой на манёвры в Финляндию Владимира и Александра Александровичей, наследник просил последнего подробно описать эту поездку, «провоцируя» брата на политические рассуждения. «Теперь Финляндия переживает любопытную эпоху, — размышлял цесаревич, — я думаю, обнародование манифеста о сейме должно было придать особенный характер этой поездке»¹². Великое княжество Финляндское было имперской окраиной,

которая, в отличие от Польши, не бунтовала и поэтому получила от Александра II разрешение впервые после 1809 года созвать парламент.

Однако то, что интересовало цесаревича, не сильно трогало его брата. По крайней мере, описывая посещение Финляндии в ответном письме, Александр политических вопросов не затронул.

По мнению наследника, самым экзотичным должно было стать посещение им Астрахани. «Приятно было увидеть здесь, в этом отдалённом уголку, военно-морской флаг»¹³, — писал он, а его спутники ощущали, что находились «в одном из отдалённых краев великого царства, сплочённых воедино крепкою связью государственной силы»¹⁴. Почти дословные совпадения писем цесаревича и описаний его путешествия, принадлежавших Бабсту и Победоносцеву, свидетельствуют о том, что наследник разделял точку зрения своих спутников.

Цесаревич проявлял подчёркнутое внимание ко всему русскому. Он был рад тому, что главный мастер и подавляющее большинство рабочих на канатной фабрике в Рыбинске были его соотечественниками. Кострома полюбилась наследнику «чисто русским духом (даже особенно заметным) всего её населения», а в Симбирске он беседовал с русскими крестьянами и впечатлялся их «красивыми и добрыми лицами»¹⁵. Николай ощущал себя русским по крови и по духу...

Воплощением русского духа казались ему храмы и монастыри, которые он в первую очередь должен был посещать по прибытии в тот или иной город. «Это драгоценный исторический памятник, особенно для нас», — писал Николай о колыбели династии Романовых, Ипатьевском монастыре в Костроме. «Собор замечателен во многих отношениях, — описывал он тоном знатока Успенский собор в Астрахани. — Он красивой, простой архитектуры, очень высок, имеет красивые галереи или террасы»¹⁶. Оценивая храм, цесаревич прислушивался к мнению своих спутников. Среди них выделялись любитель археологии граф Строганов и ценивший церковное благолепие Победоносцев, которому было «странно видеть собор старой постройки с голыми стенами, отделанными под мрамор, без стенового письма»¹⁷. «Купола не хороши, внутренняя отделка тоже, — соглашался наследник с мнением Константина Петровича, — зато иконостас великолепен: он огромной вышины, очень широк, красивой резной работы времён Петра Вел[икого], не старше. Иконы красивой, хотя новой работы»¹⁸.

Цесаревич посетил также станицу Ветлянскую в Астраханской губернии. С 1855 года он являлся атаманом всех казачьих войск, но это была первая станица, которую он видел воочию. Наследник побывал в станичной церкви и в хате старого астраханского казака. «Это маленький домик, вымазанный глиною. Внутри очень низко, но чисто; в углу кровать, признак цивилизации. Есть древние образы. Старик был очень доволен и кланялся в ноги. Двор довольно большой и чистый, обнесён плетнём, не по-великороссийски». Подмечавший такие детали наследник любовался станичниками: «Козаки большею частью видный, молодой народ». «Вообще станица произвела на нас хорошее впечатление». В то же время сопровождающие не скрывали от цесаревича проблем астраханского казачества: «Кругом степь и степь, растительности никакой. Земли у них много: 20 000 с лишком десятин удобной и почти столько же неудобной земли»¹⁹.

Однако перспективы развития страны наследник связывал преимущественно с промышленностью. Ещё в 1862 году, конспектируя лекцию А. И. Чивилёва по политэкономии, он записал в тетрадь соображения о преимуществах машинного

производства²⁰. Юноша одобрял технический прогресс и понимал выгоды проекта туэрного пароходства, о котором ему рассказали в Рыбинске. «На дно реки, — излагал он брату суть замысла, — кладут цепь и прикрепляют в двух пунктах (здесь и в Череповце — это больше 200 вёрст, вообрази, что за цепь!). Потом пароход с особенным устройством выбирает цепь и по ней тянется и буксирует суда гораздо легче и дешевле». Новые принципы судоходства должны были заменить бечевую тягу, для которой использовались «лошади и даже люди»²¹. Слова наследника о лёгкой и дешёвой буксировке перекликались с фразами из поднесённого ему атласа порогов и мелей реки Шексны. Составитель атласа подполковник Е. Грабчинский считал, что с развитием цепного судоходства «доставка кладей будет обходиться дешевле и значительно ускорится»²².

«Самым любопытным днём» путешествия оказался цесаревичу день осмотра волжских проток близ Каспийского моря. Интерес Николая был вызван не только землечерпательными работами в каналах, но и знакомством с морем. Офицеры путей сообщения уверили их, что Каспий имеет «большую будущность». На обратном пути в Астрахань цесаревич побывал на рыбном лове. Это был «настоящий рыбный праздник, но, конечно, не праздник для рыб»²³.

Братья были страстными ценителями лошадей, и вполне закономерно упоминание в письмах о коневодстве. Побывав в симбирской земской конюшне, цесаревич раздавал крестьянам премии за успехи в коневодстве. «Это дело, как здесь говорят, идёт хорошо, и крестьяне довольны улучшением породы»²⁴, — писал он. Николаю показали бег рысаков, гонку троек и скачку крестьянских лошадей, во время которой два всадника столкнулись друг с другом. Видимо, из скромности цесаревич не сообщил, что «бросился вниз и послал тотчас же узнать на месте о людях»²⁵.

Учитового обхождения с подданными от Николая, вероятно, требовал император, напутствовавший сына перед дорогой. Это напутствие напоминало наставление, которое дал Николай I ему самому в 1837 году, накануне его путешествия по России²⁶. Ведь письмо, написанное Александром II в 1864-м, перед заграничным путешествием его старшего сына, стало своеобразным «кодексом поведения» и для Александра Александровича. Ему оно было передано после смерти брата, видимо, тоже перед путешествием за границу. Оно повторяло «инструкцию для путешествия», данную Николаем I будущему Александру II в 1838 году²⁷.

Видное место в переписке братьев занимала тема отношения к дамам. С одним из первых писем брат прислал наследнику стихотворение Мещерского, посвящённое молодой графине Е. И. Кушелёвой-Безбородко. О влюблённости в неё Александра Александровича знал даже Мещерский (судя по его письму цесаревичу)²⁸. Наследник тоже делился своими переживаниями. Познакомившись с молодой вдовой калмыцкого нойона, которую звали Эльзен Учера-ла, цесаревич удивлялся, что «для калмычки она очень недурна: у неё приятное, доброе выражение лица и весьма порядочный вид». Попросив у собеседницы фотокарточки, Николай положил их туда же, где хранил фотографии петербургских красавиц — к ужасу молодого графа Перовского, «который вообще не понимает, какое можно иметь удовольствие в этих карточках дикарок, как он говорит». Нельзя сказать, что у наследника не было неприятия представителей инородного мира (в частности, о туркменах он писал, что это «престественные разбойники»), однако женская привлекательность молодой калмычки, обладавшей европейскими манерами, взяла своё²⁹.

Особую симпатию наследник испытал к настоятельнице Анастасиинского монастыря игуменье Марии (Давыдовой), которая, несмотря на то, что ей было за сорок, «сохранила следы красоты». «Когда мы сели в коляску, чтоб ехать, я вынул из кепи дикий жасмин и, отдав ей, просил сохранить на память обо мне. Не правда ли, наивно! Но она сама романтична и оценила мой оригинальный поступок»³⁰. Романтичность заключалась, вероятно, и в том, что решение Софьи Давыдовой (так её звали до пострига) об уходе в монастырь молва связывала с её влюблённостью в будущего Александра III³¹.

На Кавказе наследник познакомился с молодой красавицей Еленой Джемарджидзе, которая поразила его «твёрдое и испытанное сердце стрелами своих удивительных очей!» Николай гордился своим напускным хладнокровием по отношению к женщинам, но в этом случае радовался, что «так мало остался на Кавказе», а то как бы его «славная репутация рыбы» не была потеряна³²... Зная, что с содержанием его писем Александр знакомил других братьев и князя Мещерского³³, цесаревич шуточно подчёркивал чрезвычайную приватность сообщения о пленившей его кокетке: «Ты понимаешь, что всё это чичайно секретно». Примечательно, что всё это было уже после того, как в письме от 3 августа наследник признался матери в своей заочной влюблённости в датскую принцессу Дагмар. Впрочем, писал он брату, «едва я покинул берега Кавказа, как исчез в моей памяти образ прекрасной Еленьки»³⁴. Однако отрицанием своего интереса к противоположному полу наследник лишь подчёркивал его...

Побывав в Севастополе и Ливадии, Николай отправился в обратный путь — через Харьков, Белгород, Курск, Орёл и Москву. Вероятно, насыщенность программы не позволила ему писать Александру. Тем долгожданнее была встреча братьев. «Радости не было конца, — записал цесаревич в дневник 19 октября. — Все братья выросли и имеют здоровый вид. Саша великолепен в полковничьих эполетах, с новою причёскою без пробора назад»³⁵. (В полковники

Александр был произведён за полтора месяца до приезда наследника.) Когда же суэта улеглась, братья остались наедине и долго разговаривали.

Эти разговоры соединили разрозненные путевые впечатления наследника и помогли Николаю и Александру сойтись «более, чем когда-либо»³⁶ (как писал наследник матери). Позднее, уже став императором, Александр III в письме жене вспоминал, что одним из немногих, кто повлиял на его «жизнь и характер», был «дорогой брат и друг Никса»³⁷, которого он (как писал 12 апреля 1865 года Мещерскому) «любил больше всего на свете»³⁸.

Вспоминая в 1866-м о его кончине, Александр писал в дневнике, что если бы не ранняя смерть, то именно от него старший брат «узнавал бы многое, что от других он не узнал бы»³⁹. Желание посылить помочь почившему брату было связано с искренностью отношений, которая установилась во многом благодаря переписке великих князей летом 1863 года. Читая письма цесаревича, младший брат вслед за ним вступал в диалог с Россией, который готовил великого князя к непосредственному знакомству со страной и российскими реалиями.

Цесаревич Николай Александрович на смертном одре.

Примечания

1. Татищев С. С. Детство и юность Великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. М. 2002. С. 79; Твардовская В. А. Александр III // Российские самодержцы (1801–1917). М. 1993. С. 217; Секиринский С. С., Филиппова Т. А. Родословная российской свободы. М. 1993. С. 103–105; Чернуха В. Г. Утраченная альтернатива. Наследник престола великий князь Николай Александрович (1843–1865 гг.) // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков. СПб. 1999. С. 236–246; Чернуха В. Г. Александр III (1845–1894) // Александр III: pro et contra. СПб. 2013. С. 14–15.
2. Назаревский В. В. Царствование императора Александра III. 1881–1894. М. 1910. С. 6, 10; Каменский Е. С. «От детства до присяги». (Из жизни августейших детей императора Александра II) // Исторический вестник. 1916. № 2. С. 452–454; Русева Л. Братья-наследники // Смена. 1999. № 1. С. 160–161; Вербицкая Т. Несостоявшийся император. Великий князь Николай Александрович (1843–1865). М. 2010. С. 54–56.
3. Победоносцев К. П. Речь в заседании исторического общества // Победоносцев К. П. Избранное. М. 2010. С. 190.
4. Боханов А. Н. Император Александр III. М. 1998. С. 48; Дронов И. Е. Сильный, державный: Жизнь и царствование Александра III. М. 2006. С. 61, 69–77; Кудрина Ю. В. Мария Фёдоровна. М. 2009. С. 22–23, 26; Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М. 2004. Т. 2. С. 236; Карцов А. С. Русский консерватизм второй половины XIX — начала XX в. (князь В. П. Мещерский). СПб. 2004. С. 293–294; Астанков В. А. Государственная деятельность цесаревича Александра Александровича и его восприятие правительственной политики в 1865–1881 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. М. 2014. С. 21.
5. ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2817. Л. 68 об.
6. ГАРФ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 33. Л. 97 об. Здесь и далее курсивом выделены подчёркивания в оригинале; полужирный курсив обозначает подчёркивание тремя чертами.
7. Там же. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2817. Л. 34 об.
8. Там же. Ф. 665. Оп. 1. Д. 21. Л. 9.
9. Там же. Ф. 677. Оп. 1. Д. 918. Л. 11, 11 об., 65 об., 29, 32 об., 33, 50, 56 об.
10. Там же. Ф. 678. Оп. 1. Д. 814. Л. 58 об.
11. Там же. Ф. 665. Оп. 1. Д. 21. Л. 11.
12. Там же. Ф. 677. Оп. 1. Д. 918. Л. 28.
13. Там же. Л. 39 об.
14. Письма о путешествии Государя Наследника Цесаревича по России от Петербурга до Крыма. М. 1864. С. 357.
15. ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 918. Л. 17, 18 об., 25.
16. Там же. Л. 19 об., 40 об.
17. Письма о путешествии... С. 381.
18. ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 918. Л. 40 об.–41.
19. Там же. Л. 31 об., 32.
20. Там же. Ф. 665. Оп. 1. Д. 5. Л. 7–9.
21. Там же. Ф. 677. Оп. 1. Д. 918. Л. 17 об.
22. ОР РГБ. Ф. 492. Оп. 1. Д. 148. Л. 3 об.
23. ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 918. Л. 45, 47, 47 об.
24. Там же. Л. 25.
25. Письма о путешествии... С. 254.
26. Венчание с Россией. Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 год. М. 1999. С. 24–26.
27. Боханов А. Н. Указ. соч. С. 41–42; Переписка цесаревича Александра Николаевича с императором Николаем I. 1838–1839. М. 2008. С. 31–32.
28. РГАДА. Ф. 1378. Оп. 2. Д. 1. Л. 10 об.
29. ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 918. Л. 35 об., 37 об., 41 об.
30. Там же. Л. 19–19 об.
31. Впоследствии эта история действительно попала на страницы дамского романа начала XX в., вышедшего в качестве приложения к дореволюционному журналу «Родина». См.: Соколова А. И. Царское гадание. Исторический роман из эпохи царствования Николая I // Соколова А. И. Царский каприз. М. 1995. С. 522.
32. ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 918. Л. 58, 58 об.
33. «Мещерский их читали, и очень они ему понравились», — писал брату Александр Александрович (Там же. Ф. 665. Оп. 1. Д. 21. Л. 19).
34. Там же. Ф. 677. Оп. 1. Д. 918. Л. 58.
35. Там же. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2549. Л. 43 об.
36. Там же. Ф. 641. Оп. 1. Д. 33. Л. 97 об.
37. Император Александр III и императрица Мария Фёдоровна. Переписка. 1884–1894 годы. М. 2007. С. 102.
38. ОР РНБ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 1503. Л. 1 об.
39. ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 298. Л. 188.